

УДК 93

ЕЩЕ РАЗ О СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ ФРОНТИРЕ

С.Л. Дударев

ONCE AGAIN ON THE NORTH CAUCASUS FRONTIER

S.L. Dudarev

Аннотация. В статье рассматривается сегодняшнее понимание концепции фронта, предложенной в свое время американским историком Ф.Дж. Тёрнером. Сегодня она приобрела довольно широкую популярность в российской исторической науке. Большое внимание к ней проявляют ученые, изучающие историю Северного Кавказа. Теория фронта все больше находит себе место в теоретическом инструментарии историков-кавказоведов. В настоящее время предложен целый ряд вариантов понимания термина «фронт» применительно к истории нашего региона. В то же время, не все специалисты расценивают его потенциал, как позитивный. При всей эвристической полезности указанной концепции, она не должна абсолютизироваться и превращаться в «универсальную отмычку» для понимания исторической действительности. «Фронтальный» взгляд вполне применим для северокавказских реалий, но он должен корректироваться другими теоретическими разработками, отражающими исконно отечественные взгляды на существо исторических процессов в нашем регионе. Но самое главное – применяемые историками концепции должны работать на укрепление целостности российского Кавказа и конструктивных отношений между его народами, которые должны иметь взвешенные представления о своем прошлом, лишённые как установок на многовековое перманентное противостояние, так и приукрашивания исторической действительности.

Abstract. The article examines the current understanding of the concept of the frontier proposed at the time by an American historian F.J. Turner. Nowadays, it has become quite popular in Russian historical science. Scientists studying the history of the North Caucasus pay much attention to it. The theory of the frontier is looking for its place in the theoretical toolkit of historians of the Caucasus. At present, a number of options have been proposed to understand the term "frontier" in relation to the history of our region. At the same time, not all specialists regard its potential as positive. For all the heuristic usefulness of this concept, it should not be absolutized and turned into a "universal master key" for understanding historical reality. The "frontal" view is quite applicable to the North Caucasian realities but it should be corrected by other theoretical developments reflecting the primordially domestic views on the essence of historical processes in our region. But the most important thing is that the concepts used by historians should work to strengthen the integrity of the Russian Caucasus and constructive relations between its peoples, which should have balanced ideas about their past, devoid of both attitudes towards centuries-old permanent confrontation, and embellishment of historical reality.

Ключевые слова: фронт, постфронт, ретрофронт, неопределённость, иммунитет, российскость, совместничество = соперничество.

Keywords: frontier, post-frontier, retrofront, uncertainty, immunity, "Russianness", sovmetstnichestvo = rivalry.

Где чары южной ночи синей?
Лишь звезд, как выстрелов, не счесть.
Тут начинается Россия.
Или кончается? Бог весть.

Н. Зиновьев.

Тема «фронта» в новейшей российской историографии занимает все более заметное место. Мы не станем обращаться к ней в целом, но коснемся прежде всего того ее сегмента, который касается Кавказа, особенно Северного. Здесь мы наблюдаем заметное движение, которое стало весьма динамичным в 2000–2010-е гг. Когда в 2014 г. мы с Ю.Ю. Клычниковым опубликовали небольшую книгу по проблемам северокавказского города [1], то привели в ней 13 известных нам версий того, как понимается дефиниция «фронт» в американском, сибирском, северокавказском контекстах теми или иными историками [1, с. 8–11]. Но жизнь, разумеется, не стояла на месте. В самое ближайшее время в северокавказской историографии появились новые работы по указанной проблематике. Вышла небольшая, но интересная статья Л.М. Ивановой, в которой были проанализированы новые исследования по кавказскому фронту, уточняющие как суть понятия, так и динамику его развития во времени [2]. Среди них оказалась и кандидатская диссертация Е.Г. Берберовой, первая в своем роде, посвященная особенностям северокавказского фронта, что указывало на стремление историков-кавказоведов глубже разобраться в интересующем нас феномене [3]. Еще одна обобщающая монографическая работа, появившаяся параллельно с работой Е.Г. Берберовой – книга О.В. Матвеева, где фронт является лейтмотивом, определяющим характер шедших во время т. н. Кавказской войны историко-культурных, социополитических и иных процессов, освещаемых в антропологическом измерении [4]. Однако наиболее развернутый историографический обзор, касающийся проблем фронта, был опубликован совсем недавно, в 2020 г. Д.В. Сенем [5]. Задачей данной статьи является определение некоторых главных тенденций в понимании фронта в современной исторической литературе, для определения возможных дальнейших попыток осмысления значения указанного концепта для развития исторических исследований в нашем регионе.

Для этого вначале вернемся вновь к упомянутой работе О.В. Матвеева. В рецензии на нее Л.Р. Хут и А.К. Чеучева, обсуждая правомерность применения в этой монографии фронтного ракурса [6], напомнили коллегам о том, что, хотя, по мнению создателя концепции фронта Ф.Дж. Тёрнера фронт, – это «место контакта дикости и цивилизации» [7, с. 14], тем не менее он утверждал, что самым важным влиянием фронта оказалось его содействие развитию демократии и в Америке и в Европе [7, с. 34]. Понятно, что когда речь заходит об этой последней дефиниции, то применительно к реалиям Северного Кавказа она и до сих пор является эфемерной, что уже тогда говорить о более ранних временах. Тем не менее не нужно забывать, что Тёрнер, характеризуя

американский фронтир, пишет о вещах, которые находят ясный отзвук в восприятии кавказоведа, а именно: американские колонисты испытывали очень сильное влияние «дикой местности». Они меняли свою одежду и обувь на индейские, строили себе такие же хижины, как у индейцев, также пахали землю заостренной палкой и сеяли кукурузу и т. п., меняясь вплоть до того, что издавали боевые кличи и снимали скальпы, как это делали аборигены [7, с. 15]. Такому же мощному воздействию подвергались и россияне, оказавшись на Северном Кавказе, ярким примером чего могут служить казаки, особенно терско-гребенские, впитавшие многое из культуры горцев, и имевшие с ними этнические связи [8], а также Отдельный Кавказский корпус российской армии, военнослужащие которого заимствовали обычаи горцев, иногда вплоть до самых одиозных, так что превратились, в конечном счете, в своеобразную субэтническую группу [9, с. 378–379].

Таким образом, Ф. Дж. Тёрнер, хотел он того или нет, но дал своего рода клише описания культурно-исторического облика «фронтирмена», вступающего в тесные контакты с носителями других культурных традиций, где бы тот ни находился: в прериях американского Запада, сибирской тайге, или горах Кавказа. Поэтому, безотносительно вопроса о связи американского фронта с демократией в США (кстати, сам же Тёрнер писал о том, что специфическая демократия фронта ушла вместе с условиями, которые ее породили, хотя демократические устремления остались) [7, с. 138]) определенные параметры повседневного быта жителей американского фронта стали ориентиром для исследователей облика жителей «контактных» зон в разных странах мира. Другое дело, и в этом Л.Р. Хут и А.К. Чеучева, полагаем, правы, что когда О.В. Матвеев (и, в принципе, кто угодно другой, обращающийся к подобной проблематике) пишет, что фронтир – это контактное пограничное пространство с большими возможностями общения и восприятия друг друга, то прибегать к самой этой дефиниции, «кодирующей» указанное описание, совсем не обязательно. Иными словами, своеобразная мода на применение обсуждаемого термина, по мнению указанных исследовательниц, далеко не всегда оправданна. И этот подход заслуживает понимания. В то же время уважаемые коллеги, по-видимому, не приняли во внимание уже довольно давнее высказывание Томаса М. Барретта о том, что указанная выше прямая связь тернеровского фронта и демократии уже отвергнута в историографии [10].

Но, как бы то ни было, во «фронтирной» терминологии есть и свое определенное оправдание. Тот же Барретт правомерно указывает на то, что историки, отказавшиеся от жесткого детерминирования американской демократии фронтирной ситуацией (и, полагаем, слепого переноса, этого тезиса на другие исторические ситуации) пишут о более сложном процессе взаимодействия между собой людей различных рас, этносов и т. д., в котором переплелись и культурные контакты, и фактор воздействия на окружающую среду (и, добавим, воздействия среды на человека), мифотворчество и т. п. [10]. Таким образом,

произошла «демонополизация» фронта учеными тех стран, которые имели иные особенности движения по путям истории, нежели белые поселенцы в Северной Америке, но сталкивались с близкими последним вариантами взаимодействия людей в сходной географической, историко-культурной, этнополитической и т. п. сферах.

В то же время не будем забывать о том, что ряд отечественных ученых видели и видят опасности, кроющиеся в данной теории (такое отношение к фронтиру Д.В. Сень оценивает как несколько запоздалое) [5]. Так, наш учитель В.Б. Виноградов в своих устных выступлениях был крайне отрицательно настроен к идее фронта, видя в ней потенциал перманентной враждебности между участниками исторического диалога на Кавказе. И как было его не понять, если сам же Тёрнер писал, что самая глубинная суть американского фронта состоит в том, что эта географическая полоса отражает экспансионистскую энергию народа, стоящего на ней, и увлекает к новым завоеваниям [7, с. 52]. «Экспансионизм» и «завоевание» – это те понятия, против употребления которых применительно к российской политике на Кавказе, ученый буквально восставал во впечатляющей серии своих работ по истории русско-северокавказских отношений, а также таком резонансном проекте с драматической судьбой, как концепция «добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России» [11, с. 167–225; 12; 13]¹. Негативный контекст «фронтирности» нашел свое выражение в выступлении его ученика Ю.В. Приймака, который писал, что фронт – это лазейка, призванная обосновать преимущественно конфронтационный характер процесса формирования российского Северного Кавказа для тех, кто не хочет признавать многовековое северокавказское сотрудничество. Ю.В. Приймак считает теорию фронта полезной для осмысления механизма противодействия российской и северокавказской социокультурных систем попыткам вбить клин в их исторически обусловленную интеграцию [14, с. 321]. Практически то же самое видим в исследовании Е.Г. Берберовой, в котором, как пишет Д.В. Сень, концепция «фронта» необоснованно уподобляется «фронту». Специалист, как отмечено этим ученым, сравнила границу с «линией границы», «приграничным противостоянием» и, что показательно, с нетерпимостью, которая якобы присуща границе [5]. Не будем скрывать, что и мы сами на протяжении ряда лет негативно относились к теории фронта, что, например, получило отражение в нашей рецензии на нашумевшее пособие 2007 г. по истории Северного Кавказа. Причина этого заключалась в том, что по логике авторов пособия, сетовавших на то, что указанная теория недостаточно вошла в обиход российских историков, еще в начале XX в. Северный Кавказ все еще оставался фронтиром [15]. В то же время географически он исчерпался, по существу, по окончанию «Кавказской войны», что уже давно признано учеными (Э.А. Шеуджен и др.). Возникал вопрос – что же, в таком случае, Северный

¹ Недаром некоторые коллеги, например ногайский ученый Р.Х. Керейтов и адыгейская исследовательница С.Д. Шаова, называли коллектив В.Б. Виноградова «Школой дружбы народов» [4, с. 33].

Кавказ – это «вечный фронтир»? По сути, это могло, например, означать, что, скажем, та же Чечня стала российской только после окончания двух войн 1990-х – начала 2000-х гг., с чем трудно было согласиться.

Однако имеется возможность определенным образом устранить имеющиеся противоречия в восприятии тех или иных событий на Северном Кавказе в историческом прошлом или сегодня, если мы будем руководствоваться одним из подходов к оценке сути фронтира, распространённых среди сторонников этой дефиниции.

Еще Т.М. Барретт писал о *крайней неопределенности* этнической границы между русскими и горцами [10]. О фронтире, как пространстве неопределённости, пишет и Е.Г. Берберова, ссылаясь на мнения других исследователей [3, с. 3], которые приводили и мы с Ю.Ю. Клычниковым [1, с. 9]. В этом подходе заложен глубокий смысл, суть которого демонстрирует не только историческая действительность XVIII–XIX вв. на Северном Кавказе, репрезентативно рассмотренная, например, тем же Барреттом, но и факты новейшей российской истории.

В науке, как будто, нет места лирике, но это для кого угодно, кроме представителей Школы В.Б. Виноградова. В начале данной статьи мы привели в качестве эпиграфа стихи замечательного русского поэта Н. Зиновьева. Они, как ничто другое в области поэзии, отражают сущность крайней неопределенности российского фронтира на Кавказе. Впрочем, еще один, не самый худший, интуитивный, образ фронтира, еще не осознанный в тот момент до конца, родился у нас в процессе работы над автобиографической книгой «Это было недавно, это было давно...». Касаясь судеб упомянутой выше концепции «добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России» мы писали: «Никто тогда (т. е. в позднесоветский период. – Авт.) до конца всё же не мог понять, что это научное творчество и его организационно-политическое воплощение происходили, образно говоря, **на склонах дремлющего вулкана**» (выделено нами. – Авт.) [16, с. 231]. Как ни парадоксально, но подобные «фронтирные мотивы» подсознательно присутствовали и у самого В.Б. Виноградова. Еще в первой половине 1980-х гг. он однажды в нашем присутствии произнёс оказавшиеся пророческими слова: «Вот пойдут враги с автоматами по городу...» [17, с. 405]. Вскоре так и произошло... Иными словами, внешние благополучие, спокойствие, уверенность в завтрашнем дне жителей «предвоенной», советской, Чечено-Ингушетии – на самом деле не отражали «тектонических разломов», которые были глубоко скрыты от множества глаз современников. Возникает вопрос: скрыты где? Ведь территориально фронтира не было к тому времени уже свыше 100 лет, и присущая ему «неопределенность», была, как будто, исчерпана. Однако, когда роковой август 1991 г. привел к разрушению Советского Союза, то массы русских и «русскоязычных» на «бывшем» северокавказском фронтире, особенно, в Чечне, оказались беззащитны перед губительной бурей «перестроечных» процессов, и превратились в «унесенных ветром» беженцев, либо в заложников, или в рабов. Недавняя «стабильность» в одночасье рухнула.

Возможно, не обошлось и без воздействия внешних сил. Как здесь не вспомнить высказывание американского политолога П. Гобла, который цинично утверждал, что стабильность не входит в число кавказских ценностей, и здесь ее «никогда не было и, даст Бог, не будет» – Кавказ с его этнической мозаичностью был-де нестабилен всегда [18, с. 188].

Впрочем, окончание конфликта в Чечне не привело к радикальному улучшению положения этнических «некавказцев». В северокавказском регионе идет активная дерусификация, которая уже стала свершившимся фактом [18, с. 115–117; 21, с. 288–289]. Она является одним из важнейших факторов того, что, как выражаются некоторые политологи, Северный Кавказ медленно отчаливает от Российской Федерации.

Понять причины возрождения обстановки фронта помогают недавние разработки Ю.Ю. Клычникова, который убедительно показал, что «неопределённость» имеет корни в культурно-исторической сфере горских народов, особенно в их ментальности, для которой присуща героизация как набеговой деятельности горцев, трактуемой как форма национально-освободительной борьбы против самодержавия. Она воспевается в целом ряде научных и публицистических произведений. При этом настойчиво муссируется тема «геноцида» горских народов в период «Кавказской войны» и т. д. А все вместе это работает на сохранение и пропаганду маскулинных ценностей, которые являются смыслообразующими для социумов автохтонных народов [18; 19; 20]. Более того, если ухудшится геополитическое положение России, указывает Ю.Ю. Клычников, то это может быть чревато новым вооруженным выступлением и выходом Чечни из состава РФ [20, с. 289]. В разрезе этих и других реалий небесполезно обратить внимание на исследование А.П. Романовой и М.С. Топчиева «Кавказ как вечный фронт» [21]. Среди выделяемых этими авторами хронологических модификаций и форм фронтов выделяются несколько этапов фронта на Кавказе, в том числе третий – этап постфронта.

Он, по существу, сигнализирует нам о том, что в самом феномене пограничья, контактной зоны и т. п., лежащих в основе явления фронта, существуют, как известно, блоки, наделенные так называемой «иммунностью», которые трудновосприимчивы к внешним воздействиям, и сохраняют традиционные черты этнокультурной среды, нацеленной на воспроизводство архаики. Именно они, надо полагать, и не позволяют, как выразились А.П. Романова и М.С. Топчиев, совершить на третьем этапе «внутренний пересмотр» ситуации фронта. Специалисты употребляют еще и термин «ретрофронт», по существу, синонимичный «постфронту». Показательно, что именно на этой стадии, охватывающей всего несколько регионов Кавказа, в том числе, Чечню (где имеет место, по мысли авторов, чеченский фронт), происходит возврат к конфронтации, появление новой мифологии и т. д., и как следствие этого, возникают новые войны. Практически, их взгляды подтверждаются выводами Ю.Ю. Клычникова. Разумеется, подрыв обстановки в северокавказском регионе связан также и с деятельностью фундаменталистских и террористических

сил, воздействовавших на ситуацию извне [23]. Невозможно сбрасывать со счетов не только упомянутые выше внутренние социальные факторы, но и также рост недовольства местного населения безудержной коррупцией, разгулом клановости, и социальной несправедливостью. Ученых тревожит и то, что происходит ослабление общероссийской идентичности, утрата чувства общности судеб различных народов, рост взаимного отчуждения и т. п., что может привести к самым негативным последствиям [18, с. 185; 24, с. 46–49].

В заключение данной статьи необходимо остановиться на том, нет ли кардинальных, непреодолимых, противоречий между «фронтирным» осмыслением северокавказской истории и концепцией российскости, выдвинутой Кавказоведческой Школой В.Б. Виноградова в начале 1990-х гг. [25]. Ведь, говоря откровенно, мнение об их несовместимости лежало в основе отрицания В.Б. Виноградовым теории фронта. Между тем, если мы обратимся к такому знаковому отрезку северокавказской истории как «Кавказская война», то окажется, что антагонизм между этими подходами является, во многом, условным. Ведь еще у Т.М. Барретта есть весьма важное заявление о том, что российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание. Это был и процесс образования фронта, для исследования которого ученый рекомендовал, в частности, изучить взаимоотношения соседей не только во время военных действий, но и в повседневной жизни [10]. И для «чистоты эксперимента» не будем касаться разработок наших коллег по Кавказоведческой Школе, но обратимся к тому, что писали такие высококомпетентные ученые, как В.В. Дегоев, а также О.В. Матвеев о «Кавказской войне». Нет смысла вновь полностью цитировать их работы, тем более что это уже делалось нами ранее. Укажем на то, что с одной стороны, В.В. Дегоевым территория, охваченная «Кавказской войной» (у него без кавычек), была огромной контактно-цивилизационной зоной, где шли не только военные столкновения, но и шли всевозможные интенсивные хозяйственные, торговые, культурные и т. д. отношения, шел ослаблявший вражду процесс взаимопознания, взаимовлияния, взаимооттягивания народов [26, с. 332–333]. С другой стороны, рассуждая о «Кавказской войне» (также безо всяких оговорок по поводу этого названия) в формате «контактной зоны», О.В. Матвеев указывает, что в реалиях этой войны подобные зоны отражают не только трагическую двойственность мировосприятия людей, живших в условиях сразу двух непохожих культур, но и являются связующим звеном в общении России и Кавказа, «постепенно превращающего разлом цивилизаций в срастающийся шов» [4]. Все эти рассуждения чрезвычайно близки дискурсу «российскости». Но возникает вопрос: а как же с «неопределённостью»? Не решая этого вопроса в статье ограниченного формата, укажем на такую черту «российскости», как совместничество = соперничество. Оно исторически вершилось вначале на Кавказе, отражением чего, в частности и были указанные военные события, но происходит и ныне, когда диаспоры кавказцев живут по всей территории Российской Федерации, охватив огромные просторы $\frac{1}{8}$ части земной суши.

Северокавказский «фронт», практически, шагнул в Большую Россию, вызвав ряд известных обострений и конфликтов [24, с. 29–49]. Предотвращение их, налаживание конструктивного диалога между кавказцами и другими россиянами должны быть результатом продуманной кавказской политики, а также новых концептуальных решений национального вопроса в России [27]. Но всего этого пока нет, либо оно осело в тиши чиновных кабинетов. Между тем, ситуация давно требует решительных действий [26, с. 340; 28], порождая опасность возникновения ситуации «точки невозврата». Конечно, при всех проблемах и противоречиях, интеграция Северного Кавказа и Большой России уже неоднократно подвергалась серьезным испытаниям. Так было в годы первой и второй мировой войны, войны гражданской. И российский Кавказ, спаянный имперской идентичностью различных модификаций, устоял. Показательно одно полусутоливое высказывание, получившее хождение в Дагестане, который-мол, добровольно в состав России не входил, и добровольно из нее не выйдет. Однако россиянам и российской власти невозможно найти путь к спасению, если не будет опоры на нравственный императив [28, с. 81]. Между тем, эта сторона нашей духовной жизни все больше разрушается. Демонстративное благочестие, реализуемое в масштабном культовом строительстве, не в состоянии заслонить каждодневную пропаганду насилия, пошлости, потребительства и безыдейщины с экранов ТВ, разрушающую души подрастающего поколения.

Все, сказанное выше, указывает на то, что не может быть раз навсегда устоявшихся научных концептов, подходов к ним и тех или иных их оценок. Они должны модифицироваться в новых исторических условиях, между ними необходимо находить точки соприкосновения для поиска наиболее конструктивных решений научных проблем. Теория фронта все больше находит себе место в теоретическом инструментарии историков-кавказоведов. При всей ее полезности, она не должна абсолютизироваться и превращаться в «универсальную отмычку» для понимания исторической действительности. «Фронтальный» взгляд вполне применим для северокавказских реалий, но он должен корректироваться другими теоретическими разработками, отражающими исконно отечественные взгляды на существо исторических процессов в нашем регионе. Но самое главное – применяемые историками концепции должны работать на укрепление целостности российского Кавказа и конструктивных отношений между его народами, которые должны иметь взвешенные представления о своем прошлом, лишены как установок на многовековое перманентное противостояние, так и приукрашивания исторической действительности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дударев, С. Л. Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта / С. Л. Дударев, Ю. Ю. Клычников. – Пятигорск : ПГЛУ, 2014. – 73 с. – Текст : непосредственный.

2. Иванова, Л. М. Кавказский фронт в современной российской историографии / Л. М. Иванова. – Текст : непосредственный // Мир славян Северного Кавказа. – Вып. 9. – Краснодар, 2016. – С. 49–55.
3. Берберова, Е. Г. Особенности северокавказского фронта российской империи (1722–1864 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Г. Берберова. – Владикавказ, 2014. – 22 с. – URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01005556278?page=3&rotate=0&theme=white> [дата обращения: 03.08.2021]. – Текст : электронный.
4. Матвеев, О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру : историко-антропологические очерки / О. В. Матвеев. – Краснодар, 2015. – 272 с. – Текст : непосредственный.
5. Sen' D. V. Frontier Research in Present-Day Russia: Shaky Boundaries of the Academic Dialogue [Фронтальные исследования в современной России: Зыбкие границы академического диалога] / D. V. Sen'. – Текст : электронный // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2020. – № 1. – С. 66–80. – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.104> [дата обращения: 03.08.2021].
6. Матвеев, О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру : историко-антропологические очерки / О. В. Матвеев. – Краснодар : Эдви, 2015. – 272 с. – Текст : непосредственный.
7. Тёрнер, Ф. Дж. Фронт в американской истории / Ф. Дж. Тёрнер. – М. : Весь мир, 2009. – 304 с. – Текст : непосредственный.
8. Заседателяева, Л. Б. Терские казаки / Л. Б. Заседателяева. – М. : Изд-во МГУ, 1974. – 424 с. – Текст : непосредственный.
9. Лапин, В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. / В. В. Лапин. – СПб. : Европейский дом, 2008. – 400 с. – Текст : непосредственный.
10. Барретт, Т. М. Линии неопределенности: северокавказский фронт России / Т. М. Барретт. – Текст : электронный // *Американская русистика. Вехи историографии последних лет : антология*. – Самара, 2000. – Т. 2: Императорский период. – С. 163–194. – URL: <http://books.reenactor.ru/?bookid=706> [дата обращения: 02.09.2021].
11. Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова (к 70-летию со дня рождения). – Армавир, 2008. – 228 с. – Текст : непосредственный.
12. Бузуртанов, М. О. Навеки вместе / М. О. Бузуртанов, В. Б. Виноградов, С. Ц. Умаров. – Грозный, 1980. – 120 с. – Текст : непосредственный.
13. Виноградов, В. Б. Россия и Северный Кавказ: история в зеркале художественной литературы / В. Б. Виноградов. – Армавир, 2003. – 120 с. – Текст : непосредственный.
14. Приймак, Ю. В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешне-политических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.) / Ю. В. Приймак. – Армавир, 2011. – 359 с. – Текст : непосредственный.
15. Дударев, С. Л. О новом опыте написания региональной истории (к выходу учебного пособия «Северный Кавказ в составе Российской империи» / отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 460 с.) / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // *Научная мысль Кавказа*. – 2008. – № 4. – С. 64–69.
16. Дударев, С. Л. Это было недавно, это было давно... / С. Л. Дударев. – Армавир–Ставрополь, 2008. – 272 с. – Текст : непосредственный.

17. Дударев, С. Л. В.Б. Виноградов и судьба инновационной концепции русско-чечено-ингушского единства (рассуждения ученика и современника) / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Сборник научных работ С.Л. Дударева. – М. : Илекса, 2011. – С. 401–411.
18. Захаров, В. А. Кавказ после 08.08.08: старые игроки в новой расстановке сил / В. А. Захаров, Г. Е. Арешев. – М. : Квадрига, 2010. – 272 с. – Текст : непосредственный.
19. Клычников, Ю. Ю. Совместничество: ретроспективный анализ специфики русско-северокавказских отношений / Ю. Ю. Клычников. – Текст : непосредственный // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. – Вып. 9. – Пятигорск : ПГУ, 2018. – 108 с.
20. Дударев, С. Л. «Формула любви»: новое исследование о совместничестве (вместо послесловия) / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Клычников Ю.Ю. Совместничество: ретроспективный анализ специфики русско-северокавказских отношений: Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. – Вып. 9. – Пятигорск : ПГУ, 2018. – С. 76–91.
21. Клычников, Ю. Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: в поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.) : исторические очерки / Ю. Ю. Клычников. – М. : Ленанд, 2015. – 368 с. – Текст : непосредственный.
22. Романова, А. П. Кавказ как вечный фронтир / А. П. Романова, М. С. Топчиев. – URL: [http://kaspu.aspu.ru/files/3\(40\)/284-291.pdf](http://kaspu.aspu.ru/files/3(40)/284-291.pdf) (дата обращения: 09.09.2021). – Текст : электронный.
23. Суций, С. Я. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия) / С. Я. Суций. – Ростов н/Д. : ЮНЦ РА, 2010. – 218 с. – Текст : непосредственный.
24. Дударев, С. Л. К изучению специфики интегративного процесса у народов Северного Кавказа и большой России в XVIII – начале XXI века / С. Л. Дударев ; под ред. Н. Н. Гаруновой. – Армавир : Дизайн-студия Б, 2013. – 56 с. – Текст : непосредственный.
25. Великая, Н. Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства / Н. Н. Великая. – Текст : непосредственный // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. – 2007. – № 45. – С. 88–101.
26. Дегоев, В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность : статьи, очерки, эссе / В. В. Дегоев. – 2-е изд., расш. и доп. – М. : SPL-«Русская панорама», 2003. – 512 с. – Текст : непосредственный.
27. К обсуждению закона о российской нации и управлении межэтническими отношениями // Российский Северный Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории: Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. – Армавир, 2016. – С. 4–17.
28. Дегоев, В. А. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или Повестка дня на вчера / В. А. Дегоев, Р. Ю. Ибрагимов. – М. : Империя XXI век, 2006. – 82 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Dudarev S.L., Klychnikov Yu.Yu. *Goroda kak prostranstvo sociokul'turnoj adaptacii naseleniya Severnogo Kavkaza v processe osushchestvleniya rossijskogo modernizacionnogo proekta* [Cities as a Space for Socio-Cultural Adaptation of the Population of the North Caucasus in the Process of Implementation of the Russian Modernization Project]. Pyatigorsk, PSLU, 2014. 73 p.

2. Ivanova L.M. Caucasian frontier in the modern Russian historiography. *Mir slavyan Severnogo Kavkaza = The World of the Slavs of the North Caucasus*, 2016, iss. 9, pp. 49–55. (In Russian).
3. Berberova E.G. *Osobennosti severokavkazskogo frontira rossijskoj imperii (1722–1864 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Features of the North Caucasian Frontier of the Russian Empire (1722–1864). Diss. abstract]. Vladikavkaz, 2014. 22 p. Available at: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01005556278?page=3&rotate=0&theme=white>. (In Russian).
4. Matveev O.V. *Kavkazskaya vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki* [Caucasian War: from Front to Frontier. Historical and Anthropological Essays]. Krasnodar, 2015. 272 p.
5. Sen' D.V. Frontier research in present-day Russia: Shaky boundaries of the academic dialogue. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2020, No. 1, pp. 66–80. Available at: <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.104>
6. Khut L.R., Cheucheva A.K., Matveev O.V. *Kavkazskaya vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki* [Caucasian War: From Front to Frontier. Historical and anthropological essays]. Krasnodar: Edvi, 2015. 272 p.
7. Terner F.J. *Frontir v amerikanskoj istorii* [Frontier in American history]. M., Ves' mir, 2009. 304 p.
8. Zasedateleva L.B. *Terskie kazaki [Terek Cossacks]*. M., MSU, 1974. 424 p.
9. Lapin V.V. *Armija Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII–XIX vv.* [The Russian Army in the Caucasian War of the XVII–XIX Centuries]. SPb., Evropejskij Dom, 2008. 400 p.
10. Barrett Tomas M. Lines of uncertainty: Russia's North Caucasian frontier. *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednih let: Antologiya = American Russian Studies. Milestones in the Historiography of Recent Years: An Anthology*. Samara, 2000, vol. 2, pp. 163–194. Available at: <http://books.reenactor.ru/?bookid=706>. (In Russian).
11. *Sbornik izbrannyh statej Vitaliya Borisovicha Vinogradova (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Collection of Selected Articles by Vitaly Borisovich Vinogradov (on the Occasion of his 70th Birthday)]. Armavir, 2008. 228 p.
12. Buzurtanov M.O., Vinogradov V.B., Umarov S.C. *Naveki vmeste* [Together forever]. Grozny, 1980. 120 p.
13. Vinogradov V.B. *Rossiya i Severnyy Kavkaz: istoriya v zerkale hudozhestvennoj literatury* [Russia and the North Caucasus: History in the Mirror of Fiction]. Armavir, 2003. 120 p.
14. Priymak Yu.V. *Severo-Vostochnoe Prichernomor'e vo vnutri- i vneshnepoliticheskikh processah formirovaniya yuzhnyh granic Rossii (konec XVII – pervaya tret' XIX v.)* [The Northeastern Black Sea Region in the Internal and Foreign Policy Processes of the Formation of the Southern Borders of Russia (Late 17th – First Third of the 19th Century)]. Armavir, 2011. 359 p.
15. Dudarev S.L. On the new experience of writing regional history (for the publication of the textbook "The North Caucasus as part of the Russian Empire". *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*, 2008, No. 4, pp. 64–69. (In Russian).
16. Dudarev S.L. *Eto bylo nedavno, eto bylo davno...* [It has been recently, it was long ago...]. Armavir–Stavropol, 2008. 272 p.
17. Dudarev S.L. V.B. Vinogradov and the Fate of the Innovative Concept of Russian-Chechen-Ingush Unity (Reasoning of a Student and a Contemporary. *Sbornik nauchnyh rabot S.L. Dudareva = Collection of Scientific Works by S.L. Dudarev*. M., Ileksa, 2011, pp. 401–411. (In Russian).

18. Zakharov V.A., Areshev G.E. *Kavkaz posle 08.08.08: starye igroki v novoj rasstanovke sil* [Caucasus after 08.08.08: Old Players in a New Alignment of Forces]. М., Kvadriga, 2010. 272 p.
19. Klychnikov Yu.Yu. *Collaboration: a Retrospective Analysis of the Specifics of Russian-North Caucasian Relations. Izvestiya nauchno-pedagogicheskoy Kavkazovedcheskoj Shkoly V.B. Vinogradova = Bulletin of the Scientific and Pedagogical Caucasian School of V.B. Vinogradov*, 2018, iss. 9, 108 p. (In Russian).
20. Dudarev S.L. «Formula of Love» a New Study on the Combination (instead of an epilogue). *Izvestiya nauchno-pedagogicheskoy Kavkazovedcheskoj Shkoly V.B. Vinogradova = Bulletin of the Scientific and Pedagogical Caucasian School of V.B. Vinogradov*, 2018, iss. 9, pp. 76–91. (In Russian).
21. Klychnikov Yu.Yu. *Rossijskaya gosudarstvennost' i severokavkazskaya arhaika: v poiskah preodoleniya protivorechij (XVIII – nachalo XXI vv.)* [Russian Statehood and the North Caucasian Archaic: in Search of Overcoming Contradictions (XVIII – Early XXI Centuries)]. М., Lenand, 2015. 368 p.
22. Romanova A.P., Topchiev M.S. *Kavkaz kak vechnyj frontier* [Caucasus as an Eternal Frontier]. Available at: [http://kaspy.aspu.ru/files/3\(40\)/284-291.pdf](http://kaspy.aspu.ru/files/3(40)/284-291.pdf). (In Russian).
23. Sushchij S.Ya. *Terroristicheskoe podpol'e na vostoке Severnogo Kavkaza (Chechnya, Dagestan, Ingushetiya)* [Terrorist Underground in the East of the North Caucasus (Chechnya, Dagestan, Ingushetia)]. Rostov-on-Don, UNC RA, 2010. 218 p.
24. Dudarev S.L. *K izucheniyu specifiki integrativnogo processa u narodov Severnogo Kavkaza i bol'shoy Rossii v XVIII – nachale XXI veka* [To the Study of the Specifics of the Integrative Process among the Peoples of the North Caucasus and Greater Russia in the 18th – Early 21st Centuries]. Ed. by N.N. Garunova. Armavir, Dizajn-studiya B, 2013. 56 p.
25. Velikaya N.N. Russianness as a Paradigm for Studying Russian-Caucasian Unity. *Aktual'nye i diskussionnye problemy istorii Severnogo Kavkaza. Yuzhnorossijskoe obozrenie = Topical and Controversial Problems of the History of the North Caucasus. South Russian Review*, 2007, No. 45, pp. 88–101. (In Russian).
26. Degoev V.V. *Bol'shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost'* [The Great Game in the Caucasus: History and Modernity]. М., Russkaya Panorama, 2003. 512 p.
27. The discussion of the law on the Russian nation and the management of interethnic relation. *Izvestiya nauchno-pedagogicheskoy Kavkazovedcheskoj Shkoly V.B. Vinogradova = Bulletin of the Scientific and Pedagogical Caucasian School of V.B. Vinogradov*. Armavir, 2016, pp. 4–17. (In Russian).
28. Degoev V.A., Ibragimov R.Yu. *Severny Kavkaz: postsovetskie itogi kak rukovodstvo k dejstviyu, ili Povestka dnya na vchera* [North Caucasus: Post-Soviet Results as a Guide to Action or an Agenda for Yesterday]. М., Izdatel'skiy dom Imperium-XXI vek, 2006. 82 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дударев, С. Л. Еще раз о Северокавказском фронтире / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 3. – С. 44–55.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dudarev S. L. Once Again on the North Caucasus Frontier / S. L. Dudarev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 3, pp. 44–55. (In Russian).